

Содержание

ШАГ ПЕРВЫЙ

Открытая позиция

17

ШАГ ВТОРОЙ

Поворот под рукой

259

ШАГ ТРЕТИЙ

Теневая позиция

347

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ШАГ

Поступательное звено

431

Благодарности

441

*Посвящается Клэр,
в память о нашем первом танце...*

*Ты танцуешь радость. Танцуешь любовь.
Танцуешь сны.*

Джин Келли

*Почти никто не танцует трезвым,
разве что безумцы.*

Г. Ф. ЛАВКРАФТ

Разноцветные огни миллионов фонарей, кажется, танцуют над главной улицей города, их отражения мерцают на поверхности черного моря рядом с ним. На улице сверкают и жужжат тысячи неоновых вывесок, а медленно ползущий транспорт слился в одно пульсирующее ожерелье из алых и белых бусин. Случайный наблюдатель, посмотрев вниз с вершины башни или пентхауса в одном из дорогих кварталов, появившихся за последние годы, может решить, что попал в Лас-Вегас.

Если, конечно, этот случайный наблюдатель сильно прищурится.

А еще — если он никогда в жизни не был в Лас-Вегасе.

На Променаде останавливается миникаб; дверца открывается, и из машины медленно выходит эффектная женщина, которую можно принять за знаменитость, хотя на самом деле это не так. Она протягивает водителю десятифунтовую банкноту — сдачу оставьте себе — и поднимается по лестнице ко входу в отель “Сэндс”.

Швейцар открывает ей дверь и прикладывает руку к пыльной фуражке. Женщина кивает, протягивает десятифунтовую банкноту и ему. Швейцар принимает деньги, опять берет под козырек и говорит, как рад снова ее видеть.

— И это взаимно, — отвечает она.

— Ага, ага, — бормочет швейцар, когда она удаляется.

Она плавной походкой пересекает вестибюль, цокая каблучками по полу, и заходит в пустой лифт. Нажимает кнопку верхнего этажа и одергивает платье. Когда двери закрываются, она проверяет свою сумочку: все ли необходимое у нее с собой?

Все вещи на месте.

Через несколько минут она тихонько стучит в дверь номера на пятом этаже. Достает карманное зеркальце и быстро подкрашивает губы, а затем наклоняется к глазку. Когда за дверью слышатся шаги и шумное, прерывистое дыхание, она расплывается в ослепительной улыбке — такой ослепительной, что обзавидовалась бы любая мегаваттная лампочка. Она посылает воздушный поцелуй и снова ждет, зная, что обитатель номера наблюдает за ней из-за двери.

Примерно через час единственный в номере живой человек выходит в коридор и тихо закрывает за собой дверь.

Затем достает мобильник и куда-то звонит. Человек почти покончил с делом, его переполняет радость от удачно выполненной работы; торопливым — но не слишком — шагом обладатель телефона и пистолета идет к лифту.

Человек останавливается. Замирает и медленно поворачивается.

Сзади, совсем близко, звонит телефон.

Человек быстро бросает трубку, снова набирает номер, тот же телефон снова издает отчаянную трель — и человек никак не может понять, в чем дело.

Человек делает несколько шагов назад и прижимается ухом к двери.

Это какая-то чушь — но, впрочем, это уже не важно; несомненно, скоро все разрешится. И все же — увы и ах — телефон, который должен был зазвонить где угодно, только не здесь, звонит именно за дверью соседнего номера.

ШАГ ПЕРВЫЙ
Открытая позиция



Глава 1

Миллер уставился на крысу. Крыса тоже уставилась на него своими блестящими черными глазками.

— Ну, какие у вас пожелания насчет завтрака?

Крыса приподнялась, и ее усики слегка задрожали.

— Как насчет кеджери? — Миллер сделал паузу и почмокал губами. — А может, вам подать яйца бенедикт? Или полный английский завтрак?

Он вздохнул и поник головой — чтобы мохнатые негодники поняли, как сильно он разочарован, — а затем опустился на колени и взял пластиковый контейнер.

— Ну ладно, раз вы такие скучные...

Он открыл клетку, вытащил две миски и насыпал в каждую корм — смесь крупы и овсяных хлопьев. Затем он просунул руку в клетку, извлек оттуда Джинджер и, посадив крысу к себе на колени, нежно провел пальцем по ее макушке.

— Ты знаешь, что ты у меня самая любимая?

Он приподнял ее и кивнул второй крысе, кото-

рая осталась в клетке. Джинджер поскребла коготками по руке хозяина, а затем прильнула к его шее.

— Только ради бога, пускай Фред ничего не узнает, — прошептал Миллер. — А то еще надуетесь как мышь на крупу. — Он слегка отклонился назад и посмотрел Джинджер прямо в глазки. — Ясно? Не будь крысой.

Он сел на диван и стал наблюдать, как едят его питомцы, и думать о предстоящем дне: о том, что придется тащиться на работу, о том, что сослуживцы, скорее всего, будут бросать на него странные взгляды; а еще о том, какие слова можно говорить людям, а какие — определенно не стоит. Погруженный в эти мысли, он рассеянно ковырял нитки, торчащие из его старого халата, и только через пятнадцать минут вспомнил, что приготовил себе чашку кофе. Кофе почти остыл, поэтому Миллер отнес его обратно на кухню и вылил.

И решил, что ему влом готовить новую порцию.

Он выпьет кофе, когда придет на работу.

Ему будет жизненно необходимо выпить кофе.

Он начал одеваться — так медленно, как будто разучился это делать. На радио “Капитал Ланкашир” кто-то противным голосом рассуждал о состоянии Национальной службы здравоохранения, и Миллер принялся, как обычно, спорить с ним. Дурацкая привычка, ставшая своего рода ритуалом. Не важно, о чем именно разглагольствовали ведущие, или звонящие, или так называемые эксперты — Миллер неизменно вступал с приемником в дискуссию, то тихо, то срываясь на крик, и неизменно получал от этого удовольствие.

Он надел трусы и носки, достал рубашку.

“... вас согласятся принять, только если вам оторвало ногу, или вы иммигрант, или...”

— Какой же ты идиот! Хотя нет, беру свои слова назад. Зачем обижать идиотов?

Он натянул колючие серые брюки и влез в ботинки, которые почистил накануне вечером.

“Я хочу сказать, разве не по этой причине мы голосовали за Брексит? По этой, и еще...”

— Чушь собачья! Ведь порет чушь и не краснеет...

Он повязал галстук — наименее вызывающий из своей коллекции жутких галстуков — и тут же растегнул верхнюю пуговицу рубашки: ему показалось, что он задыхается.

— Господи, да в гребаных макаронах-буковках больше смысла, чем в том, что ты сейчас несешь...

Миллер прекрасно понимал, что дискуссия получается несколько односторонней, но, впрочем, какая разница? Подобная болтовня, как и беседы с крысами, помогли ему с утра запустить работу мозга — или, по крайней мере, направить эту работу в правильное русло, — а еще напоминали ему, как звучит его голос. Ему необходим был пендель, помогающий отвлечься.

Ему был необходим шум.

Вообще-то, если честно, он спорил с радио не только по утрам, но и днем, и вечером, а часто и посреди ночи. Но, впрочем, какая разница?

Он нацепил пиджак, более-менее подходящий к брюкам, и через несколько минут уже стоял перед большим зеркалом возле входной двери. Он немного поиграл лицом, пока не остановился на наименее пугающей гримасе, которая могла кое-как сойти за улыбку. После чего попробовал небрежно поки-

вать головой и пожать плечами — и понадеялся, что это все возьмем действие. Затем началась привычная утренняя борьба с волосами; вскоре Миллер объявил ничью и вернулся в гостиную, к многоэтажной клетке-манежу. В свое время эта клетка обошлась ему в целое состояние и сейчас занимала большую часть комнаты.

— Ну, что скажете? — спросил он и покружился на месте. — По-моему, вполне прилично...

Как и следовало ожидать, Фред и Джинджер были заняты своим делом — гонялись друг за другом по клетке. Миллер постарался отогнать мысль, что их равнодушие — не к добру, и потянулся за мобильником Алекс. Он, как и всегда, лежал на столике у двери и заряжался. На телефоне был блестящий красный чехол — красиво, но, как он тысячу раз повторял ей, бесполезно, если мобильник вдруг упадет на землю.

Вообще-то Алекс всегда была осторожна и не роняла эту хреновину — во всяком случае, не так часто, как Миллер ронял свою. Но, впрочем, какая разница?

Он коснулся экрана. Там сразу высветилась фотография: они с Алекс вдвоем на каком-то соревновании, несколько лет назад. Не пара, а ходячий секс, пускай даже с его стороны это звучит нескромно.

Он подхватил со стула возле двери свой рюкзак и закинул его себе на плечо. Затем наклонился, вытащил из-под того же стула защитный шлем и, распрямившись, поднял глаза к потолку.

— Алекс! — крикнул он наверх. — Я покормил крыс... О'кей?

Он постоял немного, прислушиваясь, затем снова подошел к зеркалу и уставился на свое отражение. На несколько долгих мгновений тишина как будто

сгустилась, а потом ее нарушил противный скрип бегового колеса в клетке с крысами. Миллер сделал быстрый глубокий вдох и наконец потянулся к двери, чтобы открыть ее, как настоящий боец. Или глупец.

София Хаджич повязала фартук, зевнула и вышла в коридор, толкая перед собой тележку, которую до этого двадцать минут нагружала разными вещами. Там лежали полотенца с выцветшей буквой “С”; простыни — когда-то белые; кусочки мыла в пластиковой обертке, все размером не больше почтовой марки; флакончики шампуня: снаружи шикарная упаковка, внутри — дешевая дрянь прямоком из огромной пластиковой бутылки; рулоны туалетной бумаги, которая рвалась от малейшего прикосновения.

Сама она ни за что не остановилась бы в отеле “Сэндс”.

Когда София завозила тележку в лифт, мимо прошла еще одна горничная, и они обменялись приветственными кивками. София понятия не имела, как зовут эту горничную (да и та, скорее всего, не знала ее имени), но ее это ни капли не волновало. Она пришла сюда работать, а не заводить новых друзей.

Она надела наушники, нажала на кнопку верхнего этажа и снова зевнула, кивая головой в такт своей любимой песне группы “Литл микс”. Двери лифта с шумом закрылись.

Мотоцикл — красно-черное чудовище “ямаха трейсер 9” с шестиступенчатой коробкой передач и мощным двигателем жидкостного охлаждения объемом

890 см³ — с ревом мчался по набережной. Он прорезал утренний поток машин так, словно все эти легковушки и грузовики двигались задним ходом; Северный пирс и сверкающая Блэкпульская башня мелькнули и сразу же исчезли. Он пронесся мимо океанариума, мимо поля, где Миллер когда-то играл в мини-гольф с девушкой по имени Сандра Буллимор, и мимо бесчисленных игровых залов, которые только-только начинали оживать. Он мчался быстрее ветра, ловко объезжая выбоины, а справа от него пенилось и роняло брызги на влажный песок Ирландское море; оно было такого же цвета, как отвергнутый Миллером утренний кофе, и жуть какое холодное.

Мотоцикл свернул в сторону центра и остановился на светофоре у супермаркета “Моррисонс”, а через полминуты туда подъехал и Миллер. Байкер в кожаной куртке оглянулся и, хотя выражения его лица было не видно из-за шлема, бледно-голубой мопед и сигнальный жилет Миллера явно его не впечатлили. Подумаешь, какие-то жалкие семьдесят кубов — их гул наверняка был для него все равно что шум фена. Или жужжание осы, случайно застрявшей в шлеме.

Миллер ответил ему пристальным взглядом, наблюдая, как байкер урчит мотором, готовясь в любую минуту сорваться с места.

— Вызов принят! — сказал Миллер.

Светофор загорелся желтым, и байкер покачал головой, как бы говоря, что Миллер идиот. Вспыхнул зеленый, Миллер вздрогнул, “ямаха” рванула с места и вскоре превратилась в точку где-то вдалеке — хотя Миллер еще мог различить шум двигателя.

— Давай, детка, жми! — крикнул он ему вслед.

Через пару мгновений сзади послышался гудок — кто-то не слишком вежливо пытался намекнуть Миллеру, что пора бы уже трогаться с места. Но Миллер не торопился. Он не строил иллюзий, что день будет легким, — однако в этот конкретный миг настроение у него было превосходное.

Тем не менее он обернулся и показал гудящему средний палец. Потому что — а почему бы и нет?

Ковер в длинном прямом коридоре был отвратительный, с коричневыми и желтыми разводами. Софии всегда казалось, что на него кого-то стошнило. Возможно, даже целую компанию — учитывая облик отеля в целом и некоторых постояльцев в частности.

Она покатила свою тележку в конец коридора — что было весьма непросто, потому что одно колесико погнулось и тележку постоянно заносило к стене. Это жутко раздражало, но что тут поделаешь? В ведении Софии был весь верхний этаж, поэтому лучше всего было начинать с самого дальнего номера — и так пока не вернешься обратно к началу.

В первом номере было чисто и уютно. Она поменяла простыни, почистила раковину и душевую и обновила наборы для чая и кофе. На все про все у нее ушло минут десять. Второй номер куда больше соответствовал ее ожиданиям и занял в два раза больше времени. Повсюду валялись мокрые полотенца и грязная одежда, мусорки ломились от пустых пивных банок, и к тому же страшно воняло куревом.

Некоторые люди — настоящие свиньи.

София понимала, что, наверное, стоит все рассказать управляющему, однако доносы не входили

в ее обязанности, поэтому она просто натянула перчатки, включила музыку и принялась за дело.

У двери третьего номера она задержалась на мгновение, чтобы промотать пару треков, которые ей не нравились. Наконец нашла нужную песню и, вынув ключ-карту, вставила ее в прорезь под дверной ручкой. Вспыхнул зеленый огонек, и София, повернувшись спиной, толкнула дверь.

Она вкатила тележку внутрь, и дверь за ней хлопнулась.

Сначала ей показалось, что номер выглядит не так уж плачевно — уж точно не так плачевно, как предыдущий. Скажем так... не ужас-ужас-ужас. Если не считать пятен крови на постели — и тела, из которого, судя по всему, и натекла эта кровь.

София завопила так громко, что разбудила бы и мертвого.

Но не в этот раз.